

ТАТЬЯНА ВЛАДЛЕНОВНА НИКУЛИНА

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории довоенного периода России исторического факультета ПетрГУ
nikulina50@bk.ru

ОЛЬГА АНАТОЛЬЕВНА КИСЕЛЕВА

доцент кафедры отечественной истории исторического факультета ПетрГУ
rushistory@psu.karelia.ru

**О «ТОЙ ВОЙНЕ НЕЗНАМЕНИТОЙ...»:
ПАМЯТЬ ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ КАРЕЛИИ О ЗИМНЕЙ ВОЙНЕ**

В статье на основе материалов биографических интервью, собранных с использованием методик устной истории, рассматривается проблема формирования исторической памяти гражданского населения Карелии о периоде Зимней войны.

Ключевые слова: Зимняя война, гражданское население, Карелия, историческая память, устная история

В основе настоящей статьи лежат интервью современников Зимней войны, которые являлись представителями гражданского населения Карелии, не участвовали в военных событиях, но прожили зиму 1939–1940 годов на территории республики¹. Устная история, ставшая в нашей стране с 1990-х годов достаточно востребованным исследовательским направлением [4], [7], [9], [10], [11], дает возможность собрать уникальный материал о повседневной жизни рядовых жителей Карелии в условиях военного времени. На основе интервью мы попытались проследить, как возникает тот образ Зимней войны, который присутствует в памяти отдельного частного человека и является его сугубо индивидуальным отражением событий, как личные образы и символы войны соотносятся с официальной памятью о событиях советско-финляндского противостояния 1939–1940 годов и где обозначаются узлы пересечения индивидуальной и официальной исторической памяти.

В ходе интервью мы получили соответствующую модификацию истории Советско-финляндской войны: это воспоминания детско-

юношеской поры со всеми преимуществами непосредственной эмоциональной реакции на события и недостатками, связанными с отсутствием должного жизненного опыта, необходимого для оценки происходящего. В транскрибированных текстах интервью отсутствует композиционная целостность. Это не продуманное повествование человека о пережитом, а ряд спонтанно возникающих образов и сюжетов, связанных с восприятием событий зимы 1939–1940 годов. Психологи, исследуя проблему восприятия события индивидуумом, отмечают, что часто используемый при рассказе о пережитом понятийный аппарат не соответствует природе изучаемого явления, а познание фиксирует лишь поверхностный его слой [1; 10]. Это в полной мере можно отнести и к текстам меморатов, которые использовались в данной статье.

Военное положение серьезнее всего отразилось на повседневной жизни петрозаводчан. По свидетельствам очевидцев, облик города стал сильно меняться уже в начале осени 1939 года. Я. Ругоев вспоминал: «Уже за много недель до начала военных действий в Петрозаводске стали

сосредотачиваться массы мобилизованных на военную службу» [8; 412]. На улицах появилось много машин, горожане впервые наблюдали автомобильные заторы на шоссе 1 Мая, увидели работу регулировщиков. Железнодорожные пути были забиты военными эшелонами, а привокзальные районы города стали самыми многолюдными из-за дислокации войсковых частей. Эти изменения в городе отразились на поведении людей и темах приватных разговоров. «После уроков мы сразу с парнями убегали посмотреть, что еще интересного происходит на улицах. Мама ругалась и говорила, что нас придавят и не заметят, такая толчая была. Что удивительно – не помню каких-то строгостей. Никто нас не останавливал, везде мы свой нос совали. Сейчас понимаешь, что это отсутствие должного порядка, какая-то разболтанность. Это было еще до холодов. Потом такой морозище ударил – не побегаешь» (Интервью, г. Петрозаводск).

Скопление войск и их расквартирование в городе вызывали многочисленные трудности, с которыми власти не всегда успешноправлялись. Прежде всего, в Петрозаводске было недостаточно зданий для размещения войск. Было принято решение использовать возможности частного сектора. Поэтому один из типичных сюжетов в рассказах респондентов о повседневной жизни в Петрозаводске во время Зимней войны – это появление расквартированных военных в доме. «Солдат и командиров размещали в домах по ул. Красной, Крупской, шоссе 1 Мая, на Голиковке. Я видела много военных в районе старого вокзала. К нам на постой тоже пятерых определили. Мама их пустила в кухню, а мы сами жили в комнате. Спали они вповалку. Все были украинцы. Песен не пели, но говорили очень певуче. Я тогда впервые украинскую речь услышала. И были такие уважительные, аккуратные, хозяйствственные. Все чего-то чинили, зашивали. Когда ели, то и нас приглашали. Мне было 13 лет, и они мне казались ужасно взрослыми. С родителями подружились и обещали прислать весточку с фронта. Но никаких писем так и не пришло» (Интервью, г. Петрозаводск).

Начавшиеся боевые действия и появление многочисленных раненых, обмороженных бойцов превратили Петрозаводск в город госпиталей. Госпитали были оборудованы не только во всех больницах города, но и в части зданий учебных заведений. В связи с этим возникла потребность в увеличении числа медицинских работников, особенно медсестер и санитарок. «Мы были на первом курсе училища и по комсомольскому набору все пошли работать санитарками. Привыкала трудно. Особенно боялась делать перевязки у обмороженных. Знаешь, как ему больно, и сама трястись начинаешь. И белье стирать приходилось. Хуже гнойных перевязок ничего не было. После этого я есть не могла. Домой приду и говорю сестре, чтобы она чего-нибудь мне рассказывала, только без остановки.

Она что-нибудь говорит и отвлекает меня, а я быстро ем картошку. Главное, чтобы у меня перед глазами снова госпиталь не встал. Молодая была, впечатлительная» (Интервью, г. Петрозаводск).

Петрозаводску в военную зиму пришлось столкнуться с очень серьезными трудностями в организации коммунального хозяйства. Небывало суровая зима привела к тому, что на улицах замерзали водяные колонки, и населению приходилось топить снег для домашних нужд. В многоквартирных каменных домах выходили из строя системы водоснабжения и отопления. По свидетельствам респондентов, которые там проживали, спасали положение только дровяные плиты на кухнях. Не лучше обстояло дело в частном секторе. Бюджет большинства горожан не позволял делать большие запасы дров, а из-за холодов уже в январе начал ощущаться их дефицит. «Мама протапливала только к ночи, а к утру все тепло уходило. Мерзли мы отчаянно. И жили бедно, теплой одежды не было. Я имею в виду – каких-то шуб. Все больше платками утеплялись» (Интервью, г. Петрозаводск). «Дрова на рынке из-за холодов и войны очень подорожали, люди ругались, но покупали. Куда деться! Я сам раз в два дня с саночками по морозу на Зарецкий рынок ходил. Уши у меня не отмерзали, но кончик носа все время» (Интервью, г. Петрозаводск).

По свидетельствам очевидцев, во время Зимней войны город жил странной, двойной жизнью. У многих горожан на фронте или на работах по трудовой мобилизации в прифронтовой полосе были родственники, друзья, знакомые. Однако на официальном уровне тема войны после первых поражений на фронте стала запретной. «У матери двоюродный брат был на фронте, и она с родней страшно переживала, что ничего не знает, как у них там, и узнать негде, тем более такие холода стояли» (Интервью, г. Петрозаводск). Респонденты вспоминали, что начало войны активно обсуждалось в школах, проводились собрания в рабочих коллективах, а затем наступил период молчания, вплоть до марта 1940 года. «В педучилище у нас была карта, и мы отмечали продвижение Красной армии, гордились успехами, а потом директор карту снял и сказал, что не про войну нам надо думать, а об учебе. Хотя сначала сам первый выступал, рассказывая о том, что мы братскому финскому народу идем на помощь» (Интервью, г. Петрозаводск).

Двойственность жизни города проявлялась и в том, что на фоне официального оптимизма (устраивались новогодние балы-карнавалы, в школах и во Дворце пионеров активно готовились новогодние концерты) в городскую повседневность входила практика обсуждения приватных известий, которые шли вразрез с военными сводками, печатавшимися в газетах. Информация в прессе была настолько лаконична, что, по словам одного респондента, «при всем желании между строк ничего вычитать было не-

возможно, иногда даже было неясно, а война идет или уже окончилась. Если бы не госпитали, забитые ранеными, и передававшиеся слухи, так и догадаться было бы невозможно, что же происходит» (Интервью, г. Петрозаводск).

Неформальные каналы информации и слухи восполняли те лакуны, которые появились в прессе. Писать о неудачах на фронте категорически запрещалось цензурой, и поэтому с конца декабря 1939 года информация о делах на фронте исчезла. На газетных полосах размещался материал о подготовке к выборам в местные органы власти, отмечался 20-летний юбилей создания Первой конной армии, давалась информация о повседневной жизни республики, о подготовке к новогоднему маскараду в Петрозаводске. Из газет января – февраля 1940 года можно было понять, что Карелия является прифронтовой территорией, только по рубрике «Подарки трудящихся Карелии бойцам Красной армии», которая становится постоянной с 8 января 1940 года². Прессы, не находя адекватных приемов, которые заменили бы ура-патриотические и победные рефлекции о действиях Красной армии, перестает быть действенным орудием управления индивидуальным и общественным сознанием. Общее содержание заметок о военных событиях на протяжении зимних месяцев 1940 года сводится к следующей стандартной оперативной сводке Ленинградского военного округа: «В течение дня на фронте не произошло ничего существенного».

Соотнесение материалов, опубликованных карельской прессой во время военной зимы 1939–1940 годов, с информацией о Советско-финляндской войне, которая отложилась в памяти населения Карелии, позволяет получить представление о технологии и механизмах формирования индивидуальной культурной памяти и роли в этом процессе СМИ. Пожалуй, материалы интервью, собранные с использованием методик устной истории, являются единственным уникальным источником для выявления степени усвоения и глубины закрепления официально сконструированных формул памяти.

Проблема советско-финляндских отношений в 1930-е годы весьма поверхностно освещалась в карельской периодической печати. Ситуация изменилась только накануне войны, когда власти необходимо было легитимизировать военные действия Советского Союза против Финляндии. Осенью 1939 – зимой 1940 года были задействованы различные идеологические инструменты, использовались разнообразные мероприятия, связанные с пропагандой целей и задач войны [2]. В работе «Социальная власть публичного выступления» известный социолог Р. Ленуар подчеркивал, что «когда власть облекается в слова, дискурс власти является дискурсом силы. Это – дискурс самоустановления, самолегитимации» [3; 168]. Манипуляция восприятием происходившего должна была активизировать чувства пролетарского интернационализма и инициировать кампа-

нию поддержки эксплуатируемого финляндского народа. Заголовки статей в республиканских газетах того времени весьма красноречиво об этом свидетельствуют: «Карельский народ поможет трудящимся Финляндии построить жизнь по-новому», «Судьба финского народа в надежных руках», «Карелы помогут финскому народу освободиться от ужасов войны, от гнета капиталистов», «Стереть с лица земли белофинскую свору»³. Таким образом, уже накануне и в первые дни военного противостояния властью был задан определенный пропагандистский «код».

Влияние СМИ тех лет прослеживается в ответах респондентов и спустя 60 лет. Современники событий хорошо помнили, что «советское правительство стремилось отодвинуть границу с Финляндией от Ленинграда и обезопасить колыбель революции» (Интервью, п. Пряжа). Особенно подробно об этом говорили жители сельской местности, которая предлагалась Финляндии в обмен на территории Карелии. Одна из респонденток отметила, что осенью 1939 года, учась в Петрозаводске в педучилище, «очень волновалась: неужели после окончания учебы придется ехать в Финляндию. Было страшно, ведь говорили, что там реакция. И не я одна такая была. Директор даже собирал собрание, чтобы успокоить нас» (Интервью, г. Петрозаводск).

В памяти у поколения молодежи Карелии 30-х годов XX века осталась и официально обоснованная причина начавшегося военного противостояния. Каждый респондент отмечал, что «воевали с финскими капиталистами. Там реакция была. Всех коммунистов по тюрьмам гноили. Это сейчас – вмешательство во внутренние дела. А тогда мы людей спасали, помочь оказывали» (Интервью, г. Олонец). «Да нет, с народом не воевали, воевали с их Маннергеймом и капиталистами. Да сейчас уж все запуталось, с кем воевали и зачем» (Интервью, г. Пудож). «Врагами были бело финны, а простой народ – чего с ним воевать» (Интервью, п. Ведлозеро). «Да с финским правительством воевали!» (Интервью, д. Салменицы).

Приведенные цитаты из меморатов чрезвычайно интересны по своей структуре. Они несут на себе печать влияния современных идеологических ориентиров: «Давно не думала о той войне с финнами. Сколько лет дружим. Сейчас в газетах о том, что они когда-то врагами были, не пишут. Забывать стало. Помню только, что когда учительница нам газету читала, перед войной или в начале войны – не помню, то там говорилось, что наша страна приходит на помощь финскому народу. Конечно, мы этому верили. Нас учили быть интернационалистами» (Интервью, п. Калевала), «Да сейчас уж все запуталось, с кем воевали и зачем. Сейчас-то вон как все переменилось. Рады и сами туда съездить, и к нам зазываем. Но тогда газеты писали, что народ очень плохо у них живет. Гнет капиталистов! У меня отец всегда газету вслух дома читал, так что я грамотная бы-

ла. Все понимала. Финскому народу надо помочь!» (Интервью, г. Петрозаводск).

В этой связи интересны упоминания респондентов о том, что после прочтения газетных материалов в годы войны они недоумевали, почему же трудовой народ Финляндии так пассивен: «Мы же за их интересы воевали, а они у себя внутри государства никаких действий не предпринимали» (Интервью, г. Пудож). Трудно придумать более яркий пример манипуляции общественным сознанием. На основе формул официальной пропаганды у респондентов, безусловно, сформировалась четкая психологическая антитеза «свой – чужой»: финский народ, желающий объединиться с карельским, – с одной стороны, белофинны, Маннергейм, капиталисты – с другой. Роль периодической печати в создании такой картины происходящего была доминирующей. Но вместе с тем периодическая печать Карелии, как и в целом СССР, попала в ловушку собственных пропагандистских построений и лжи. Читатели так и не смогли понять из материала газет, почему же «братья народ» так героически сопротивляются своему освобождению. Свидетели событий, дававшие интервью, прямо говорили: «Хотя что мы знали? Что напишут в газетах, тому и веришь, о том и помнишь» (Интервью, п. Ведлозеро).

Рассматривая такой идеологически важный вопрос для военного противостояния, как официально оформленный образ врага, необходимо отметить, что на основе интервью мы можем сделать вывод о существенной разнице в содержательной насыщенности воспоминаний жителей городов и жителей сельской местности. Именно этот сегмент воспоминаний в наибольшей мере зависел от района проживания, образовательного уровня респондента, его политизации, от того, являлся ли он в советское время членом партии, и т. д. [9; 216]. Вместе с тем материалы, собранные в ходе интервьюирования, показывают, что не существовало идеологически оформленного и внедренного пропагандой тех лет в массовое сознание молодежи образа финна-врага, хотя Яакко Ругоев, описывая предвоенные месяцы, отмечал, что в головы буквально «вдалбливались рассказы о тех злодеяниях, которые «белофинские банды и их карельские прислужники творили в Карелии в годы Гражданской войны», чтобы вызвать резкую неприязнь к маннергеймовцам» [8; 411].

Власть пыталась воздействовать на морально-психологическую атмосферу в обществе, чтобы как можно более полно использовать мобилизующие факторы. Однако, как показывают личные свидетельства современников событий, «патриотического угар» в период войны 1939–1940 годов в Карелии не наблюдалось. Респонденты, участвующие в опросе, не вспоминали отмеченного, как правило, в начале любого вооруженного конфликта резкого всплеска патриотических чувств. В интервью отмечалось, что «к

финнам относились как к военному противнику, без эмоций», «воюем – значит надо», «знали, что финские власти воюют, а к рядовым финнам неприязни не было», «так ведь говорили, что мы рабочим финским помогаем, так врагом были их капиталисты» (Интервью, г. Петрозаводск, п. Эсойла, д. Маньга, г. Олонец).

Однако образ врага, наделенный негативными, отрицательными качествами, в годы войны неминуемо каждым отдельным человеком стихийно конструируется на уровне обыденного восприятия происходящего. Военное противостояние инициирует этот процесс, оформляет его. Образ врага символичен и часто формируется общественным и индивидуальным сознанием на основе мифов военного времени, в которых своеобразно преломляется официальная информация о действиях противника, его облике, пристрастиях и т. д. Например, и в городе, и в сельской местности широко бытовали рассказы о поведении финских солдат перед отступлением. Как правило, респонденты предваряли свои воспоминания об этом словами: «Тогда все об этом говорили...» или «Все это обсуждали...». Мы приведем пример наиболее сюжетно оформленного воспоминания о рассказе, который услышал и запомнил мальчик – петрозаводчанин 11 лет: «Финские солдаты были очень коварны, очень мстительны. От них всегда можно было ждать подвоха. Когда наши стали наступать, то, оставляя свою территорию, финны все там минировали. Заходят наши солдаты на брошенном хуторе в дом, а обстановка там сохранилась, никакие вещи не вывезены, все в полном порядке. Кто-нибудь ради любопытства возьмет какую-либо вещь посмотреть, а она проводками с мины или гранатой соединена. Люди гибли. Даже в игрушки взрывчатку клали» (Интервью, г. Петрозаводск). При сборе интервью были зафиксированы и другие близкие по содержанию мифологизированные воспоминания об изощренных действиях финских солдат, применявших нестандартные методы борьбы.

Помимо этого можно выделить еще несколько устойчивых сюжетов. В годы войны широко циркулировали рассказы о страшных 40-градусных морозах, когда «птицы замерзали на лету», и о финских снайперах – «кукушках». Однако необходимо учитывать, что мифологизация события в индивидуальной памяти постоянно переплетается с воспоминаниями о конкретных реалиях повседневности, о действительно имевших место случаях из жизни. Так, у значительного числа женщин, дававших интервью, воспоминания о небывалых холодах неразрывно связаны с памятью об их работе в госпиталях, где было огромное количество обмороженных. Как правило, в годы Зимней войны они были подростками и в госпиталях оказывали посильную для их возраста помощь: помогали ухаживать за ранеными и обмороженными в палатах, устраивали для них небольшие самодеятельные концерты

и писали письма родным солдат. Рассказывая об этом, они подчеркивали, что приходилось писать очень много писем не потому, что люди были неграмотны, а потому, что «сплошь руки у всех отморожены были». И вид обмороженных воинов для многих девочек и девушек той поры тоже стал своеобразным символом войны. «Как говорят о финской войне, так у меня сразу перед глазами наши обмороженные солдаты», – отмечали они (Интервью, г. Петрозаводск, Олонец).

Для исследования механизмов формирования в памяти сюжетно завершенных представлений о происходивших событиях особенно интересны повествования о «кукушках». В современной историографии сложилось мнение о вымысленности рассказов о финских снайперах и их роли в военных событиях Зимней войны. Однако именно эти сюжеты доминируют в спонтанных воспоминаниях современников событий, не участвовавших в боевых действиях, но слышавших рассказы бойцов, вернувшихся с фронта. Мы процитируем наиболее типичные из них. «Братья, вернувшись с войны, рассказывали, что с «кукушками» дело поначалу тоже обстояло неважко, были от них большие потери. «Кукушка» лыжи оставляет под елкой, на «кошках» поднимался вверх, его и не видно было. Сделав 1–2 выстрела, спускался вниз и след пропытал. Потом были сформированы в частях специальные подразделения – и ребята научились убивать снайперов, пока они спускались с деревьев» (Интервью, г. Кондопога). «Финские снайперы-«кукушки» принесли нашим войскам ощутимые потери, особенно командному составу, так как наши солдаты были плохо обмундированы, а командный состав был одет в белые полуушубки, которые и привлекали снайперов. Для Красной армии «кукушки» были новостью, но затем наши солдаты научились бороться с ними» (Интервью, г. Олонец).

Насыщенность текстов приведенных мемораторов достаточно убедительными деталями позволяет утверждать, что вряд ли целесообразно данную информацию о войне относить к разряду чистого вымысла, она нуждается в дополнительном истолковании. Кроме того, изучение публикаций карельской прессы за декабрь 1939 – март 1940 года показывает частое использование в сводках и репортажах сюжетов о действиях снайперов-«кукушек» и тотальном минировании местности финскими солдатами. В карельских газетах уже в первую неделю войны, наряду с заметками с характерными заглавиями: «Знамя победы скоро взовьется в Хельсинки» или «Красная армия теснит белофиннов», начинают появляться материалы о коварстве неприятеля. В них журналисты использовали именно те вербальные формулы, которые станут затем ключевыми для формирования образа врага в карельской прессе: «Уже давно коварный враг минировал поля, дороги,ставил капканы», «Враг устраивал пулеметные гнезда на деревьях» и т. д. Редкая заметка обходилась без упоминания о снайперах-«кукуш-

ках» и минировании объектов и территорий. Респонденты отмечали, что впервые о снайперах-«кукушках» они узнали именно из газет. «Это вызвало сенсацию! Мы все, кто занимались в кружке «Ворошиловский стрелок» в Петрозаводске, когда собирались на тренировки, это обсуждали. Вот, оказывается, как можно воевать!» (Интервью, г. Петрозаводск).

Уверенный в скорой победе тон статей, печатавшихся в газетах, во многом предопределил настроение общества в первые дни войны. Поэтому в личных свидетельствах большинства респондентов превалируют очень яркие, картические образы – символы военного времени, не предвещавшие никакой беды: все отмечают появление в городах (Петрозаводск, Олонец) большого количества воинских частей (некоторые из них были расквартированы в частных домах). Запоминаются красивые офицеры и солдаты, вкусная еда, которой угостили из солдатской походной кухни, ощущение праздничности и приподнятости в начале войны. Война многими в тот момент воспринималась как интересное событие, которое нарушило монотонность, рутину повседневной жизни. В начале войны, особенно у городской молодежи, практически не было ощущения тревоги. Разговоры той поры среди молодежи, зафиксированные по воспоминаниям, почти зеркально отражают заголовки газетных статей: «Победим за пару недель, к Новому году война кончится». Настораживало и удивляло только то, что взрослые, как отмечал один из респондентов, – петрозаводчанин, которому в 1939 году было 13 лет, отмалчивались и ничего по этому поводу не говорили. «Я с пеной у рта говорю отцу о том, что мы Маннергейма разгромим сходу. А он молчал и только задумчиво покачивал головой. Это очень раздражало, потому что хотелось быстрых победных атак, как в кинофильмах тех лет» (Интервью, г. Петрозаводск).

Многие респонденты вспоминали плохую экипировку солдат: легкие шинели, тонкие белые маскхалаты, ботинки с обмотками на ногах. Дома это открыто обсуждали и ругали руководство войсками: «Говорили даже, что это не просто головотяпство, а вредительство» (Интервью, г. Петрозаводск). Когда стали приходить сведения о неудачах на фронте, о том, что, замерзая, гибнут целые воинские подразделения, «в памяти сразу вставал образ солдата в легкой шинели и ботинках с обмотками» (Интервью, г. Петрозаводск).

Своеобразным символом войны для подростков-петрозаводчан явилось и обучение солдат из воинских частей, переброшенных с Украины, хождению на лыжах в городском парке. Мальчишки сбегались к «детской горке», которая находилась рядом с площадью Ленина, для того, чтобы посмотреть на это и посмеяться над неумелыми лыжниками-солдатами, которые все время падали, спускаясь с горы, и ходили на лыжах враскорячу. Но вид этой картины, поначалу столь юмористической, скоро начал вызы-

вать тревогу и заставил задуматься: «Почему для войны с финнами, которые как ходить научатся, сразу на лыжи встают, прислали войска с юга, из степи?» Подростки обращали внимание и на беспомощность молодых командиров, которые очень бесполково руководили обучением. Респонденты отмечали, что «чувствия гордости за наши войска не появлялось, скорее чувство жалости. Поэтому когда стали говорить о потерях наших войск, никто не удивился. Обидно было, и начали говорить между собой о вредительстве в армии» (Интервью, г. Петрозаводск).

В транскрибированных устных рассказах о событиях из жизни гражданского населения Карелии особенно много информации, связанной с различными слухами, с распространявшейся мольвой. Концентрация подобного рода сюжетов, отложившихся в индивидуальной памяти, особенно высока среди информантов, проживавших в то время в сельской местности. Как правило, слухи были тесно связаны со страхами населения, с ожиданием каких-либо экстремальных событий, которые могут произойти не только в семье респондента, но и у соседей и других людей. Сюжетообразующие линии подобных воспоминаний переплетены с уже полученным историческим опытом жизни в тоталитарном обществе. Многие из людей, дававших интервью, в предшествующие войне годы сталкивались с практикой массовых репрессий. Это усугубляло боязнь выселений, переселений, депортации, о которых постоянно велись разговоры на бытовом уровне. Так, в воспоминаниях 12-летнего подростка из д. Салменицы говорится о том, что в их деревне ходили слухи о выселениях, так как фронт был рядом, все время ждали «приезда машин, на которые начнут грузить людей, а затем увезут невесту куда».

Подобные свидетельства имеются в интервью, записанных в Каменном Наволоке, Корзе. Исследователи отмечают, что в военные годы «страх, различные его формы, являются необходимой эмоциональной составляющей жизни практически каждого индивидуума, группы, общества», поскольку это своеобразный сигнал возможного негативного развития событий и процессов [12; 29]. В условиях отсутствия четкой и достоверной информации о развитии событий, когда «само начальство ничего не знало да не понимало» (Интервью, д. Корза), среди сельского населения прифронтовой зоны были сильны настроения неуверенности в завтрашнем дне.

Проблематика и тон газетных публикаций начинают резко меняться после неудач в наступлении войск Красной армии в конце декабря 1939 года, усиливается цензура. В этой обстановке неофициальные каналы информации начали замещать СМИ. О событиях на фронте многие из респондентов узнавали от самих солдат, проходивших через их населенные пункты или расквартированных там. Огромную роль в этот период играли госпитали как своеобразные

коммуникационные центры, где концентрировалась неофициальная информация о происходивших событиях. В личных свидетельствах представлены яркие тому доказательства. «Я приходила и читала газеты. Госпиталь был, где сейчас железнодорожный техникум, на Анохина в Петрозаводске. Я сначала почтала, а потом мы разговаривали. Много чего я там узнала о фронте. Жалко мне всех солдат было до слез. Что пришлось пережить!» (Интервью, г. Петрозаводск).

Огромную роль стали играть слухи. Так, во всех интервью отмечалось, что о событиях в «Долине смерти» под Питкярантой респонденты узнали из неофициальных источников. Сначала превалировали слухи о страшных потерях, о сотнях замерзших солдат, о не стрелявшем в страшные холода оружии. Затем об этом стали рассказывать солдаты, попавшие в госпитали, и люди, которые были привлечены для захоронения погибших. Несмотря на то что ни в одной газете не было информации об этой катастрофе, для жителей Карелии события в «Долине смерти» остались ключевым воспоминанием о Зимней войне.

Победа в Советско-финляндской войне 1939–1940 годов воспринималась респондентами как закономерность, но чувства особой гордости по этому поводу, как отмечалось в интервью, не было. Скорее было чувство радости и облегчения от того, что все кончилось и вернется мирная жизнь. Был приобретен определенный исторический опыт; для некоторых респондентов, потерявших на войне своих близких, он имел травматический характер [5; 52]. Карельская пресса после публикации информации о мирном договоре между СССР и Финляндией и митингах трудящихся, которые приветствовали новую великую победу сталинской политики мира, целиком переключилась на освещение народно-хозяйственных проблем и задач политического воспитания масс, не возвращаясь более к событиям военной зимы 1939–1940 годов.

Как следствие своеобразного «невнимания» официальной пропаганды к событиям Зимней войны мы можем констатировать возникновение феномена, когда население сохранило в памяти свои непосредственные искренние индивидуальные реакции на события, которые корректируют, тестируют на правдивость многие документы официального происхождения. В воспоминаниях внутренний цензор практически отсутствовал, и в этом их непреходящее значение. Обычно конформность позиции подавляющего числа населения приводит к тому, что официальные оценки ослабляют или совсем стирают независимые личные представления и реакции отдельного человека. В нашем случае присутствует живая ткань памяти, сформировавшаяся преимущественно под воздействием индивидуального опыта. Зимняя война явилась войной «неизвестной» и до конца не понятой для многих респондентов: не было четких представлений о причинах, к ней приведших, о событиях на фрон-

те узнавали преимущественно из разговоров, слухов, рассказов раненых или вернувшихся с войны бойцов. Официальная пропаганда в силу сложившейся политической обстановки не успела до лета 1941 года разработать и реализовать программу действий по формированию у населения

официальной памяти о военном противостоянии зимы 1939–1940 годов. Не был определен весь спектр необходимых для этого символов и в газетных публикациях [6; 327]. Кроме того, Зимняя война 1939–1940 годов как война народно-объединительная потерпела поражение.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Интервью собирались в 1999–2002 годах в рамках проекта «Монумент Зимней войны» (Интеррег 111A-Карелия) – Петрозаводск, Суомуссалми. Было опрошено 32 человека, даты рождения которых приходились на временной промежуток с 1916 по 1932 год. Среди респондентов можно выделить 3 основные группы: городская молодежь, сельская молодежь и молодежь финской национальности, проживавшая на территории Карелии. В связи с этим при сохранении общих доминирующих сюжетов в личных свидетельствах в целом их информативное поле серьезно отличается.
- ² См.: Красная Карелия. 1940. Номера газеты за январь и февраль.
- ³ См.: Красная Карелия. 1939. Номера за ноябрь и декабрь.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барабанщикова В. А. Восприятие и событие. СПб.: Алетейя, 2002. 512 с.
2. Веригин С. Г. Советская пропаганда на Финляндию в период Зимней войны 1939–1940 гг. // Вторая мировая война и Карелия. 1939–1945. Петрозаводск, 2001. С. 21–26.
3. Ленуар Р. Социальная власть публичного выступления // S/A'98. Поэтика и политика. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1999. С. 167–192.
4. Лоскутова М. В. Устная история: Методические рекомендации по проведению исследования. СПб.: Европейский Дом, 2002. 56 с.
5. Никулина Т. В., Киселева О. А. Советско-финляндская война 1939–1940 гг.: взгляд гражданского населения // Советско-финляндская война 1939–1940 гг. Петрозаводск, 2002. С. 46–52.
6. Никулина Т. В., Киселева О. А. Советско-финляндская война в памяти гражданского населения Карелии (по материалам устных опросов) // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2003/2004. Новые научные направления. М.: РОССПЭН, 2005. С. 316–328.
7. Память о блокаде: Свидетельства очевидцев и историческое сознание общества: Материалы и исследования. М.: Новое издательство, 2006. 392 с.
8. Ругоев Я. Зимняя война и новое заселение Ладожской Карелии // Прибалтийско-финские народы. Ювяскюля: Атена, 1995. С. 411–431.
9. Сенявская Е. С. Психология войны в XX веке. Исторический опыт России. М.: РОССПЭН, 1999. 383 с.
10. Сенявская Е. С. Военно-историческая антропология как новая отрасль исторической науки // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. М.: РОССПЭН, 2002. С. 5–21.
11. Урус Д. Методологические проблемы устной истории // Источниковедение отечественной истории. М.: Наука, 1989. С. 3–32.
12. Шляпенко В. Э. Страхи в России в прошлом и настоящем. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. 179 с.